

**СОЦИАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(SOCIAL-LINGUISTIC &
PHILOLOGICAL RESEARCH)**

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ СИГНАЛЫ
«ФАЗОВЫХ ПЕРЕХОДОВ» В СИСТЕМЕ ОБЫДЕННЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНАХ**

Волков В.В.

*Тверской государственный университет,
г. Тверь, Россия*

**LINGUOCULTURAL MANIFESTATIONS
OF THE «PHASE TRANSITIONS» IN THE SYSTEM
OF COMMONPLACE NOTIONS
ABOUT POLITICAL PHENOMENA**

Volkov V.V.

*Tver State University,
Tver, Russia*

Представления «наивного сознания» о политике и политике периодически претерпевает радикальные изменения, которые носят характер «фазовых переходов» от одного состояния к другому. Эти переходы находят отражение в новых языковых единицах преимущественно диффамаци-

онного характера. Особенно ярко на рубеже XX–XXI веков в изменениях русской лексики отразилась девальвация понятий «демократия» и «либерализм».

Ключевые слова: лингвокультурология, политические концепты, оценочная лексика, «фазовый переход», диффамация, демократия, либерализм.

Commonplace notions about policy and politicians periodically undergoes radical changes which have a character of «phase transitions» from one state to another. These transitions are demonstrated in new language units of mainly defamatory character. In a turn of the XX–XXI centuries devaluation of the concepts «democracy» and «liberalism» was reflected especially distinctly in changes of a Russian vocabulary.

Keywords: *linguoculturology, political concepts, evaluation vocabulary, «phase transition», defamation, democracy, liberalism.*

Феномен политического по-разному трактуется и/или воспринимается в политологии как науке (чаще всего, как *координация* деятельности институционализированных структур общества), в практической работе политиков (*управление* государством) и в обиходе (*борьба за власть*).

Предельно обобщая, в целях наглядности эти различия целесообразно отобразить в виде прямых вопросов:

- 1) *что* нужно делать (для координации), *как* (управлять) – вопросы науки политологии и практической политики;
- 2) *кто* властвует – ключевой вопрос «наивного сознания».

Второй – вопрос «наивного» сознания, связанный с типовой ситуацией выбора претендента на государственную должность «по имиджу», «по харизме», а не по деловым качествам, – нередко даже в научной и учебной политологической литературе трактуется как основной атрибут политического. *Политиком* считают того, кто борется за государственную власть и/или на основе избирательных процедур оказывается на государственной должности.

Наиболее очевидное лингвокультурное проявление этой особенности восприятия феномена политики – в типовых обиходных именовании периодов отечественной истории, например, советских лет: *эпоха Сталина / Хрущева / Брежнева*... Перифрастические именовании «оттепель», «застой» также однозначно ассоциируются с фигурами политических лидеров.

Смысл внутренней (словообразовательной и/или лексико-семантической) формы лексем *оттепель*, *застой* может интерпретироваться на основе **метафоры фазового перехода**, поскольку семантика этих лексем по принципу антонимической аттракции (антонимического «притяжения») ассоциируется с предшествующим этапом истории – как в определенном отношении противоположным текущему, ср.: *оттепель* (при Хрущеве) – «мороз» (при Сталине), *застой* (при Брежневе) – «движение» (при Хрущеве). Аналогичные семантические отношения фиксируются и в почётных прозваниях некоторых российских императоров, ср., например: *Петр I Великий*, *Екатерина II Великая* – прозвания, противопоставляющие их предшественникам как сравнительно «малым», *Александр II Освободитель* – прозвание, основывающееся на антонимии «свобода – (крепостной) плен», *Александр III*

Миротворец – прозвание по параметру «война – мир», поскольку в годы его правления Россия впервые за долгое время не вела больших войн, и т.д.

Фазовый переход – изначально термин естественных наук (например, изменение агрегатного состояния: жидкая вода – лед, пар). Точки фазового перехода могут быть связаны с изменениями температуры, давления и других параметров. В проекции на динамику культуры – это, например, процессы сакрализации, десакрализации и ресакрализации. *Ленин* как политическая фигура большевизма – и *ленинизм* как сакрализованная идеология неоязыческого толка, персонифицированная обожествленной мумией вождя в Мавзолее на Красной площади; *апокалипсис*₁ как Откровение святого Иоанна Богослова о судьбах мира, с чаемым финалом: «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков» (Откр., 22: 5), – и десакрализованное профанное представление об *апокалипсисе*₂ как «конце света», гибели всего и вся; *благодать* в секулярном прочтении («что-то хорошее, доставляющее наслаждение, радость») – и ресакрализованное, заново входящее в нашу жизнь значение «особая божественная милость, ниспосылаемая человеку для его **спасения**; Божия помощь и защита, даруемые каждому христианину в его повседневной жизни» [13, с. 55].

В проекции на динамику отношения россиян к политике фазовые переходы связаны с политизацией и деполитизацией сознания, с ценностными (в аксиологии) и оценочными (в языке) изменениями в реакциях на различные явления политической жизни. В словарном толковании *политизация* – это «пробуждение инте-

реса к политике, политической жизни», *деполитизация* – «ослабление политической активности, утрата интереса к политике» [17, с. 473, 202]; в обобщенной формулировке, вскрывающей существо «фазового перехода», *деполитизация* и *политизация* различаются по параметру «утрата (отсутствие) / обретение ощущения *значимости* политической сферы для жизни «простого человека»». Переход от советского периода отечественной истории (как идеологически стабильного) к постсоветскому (идеологически нестабильному) связан с политизацией сознания, с существенными (даже радикальными) изменениями в тех оценочных смыслах, которые связываются в сознании носителей языка с лексемами, именующими феномены политического.

Некоторые теоретико-лингвистические пояснения. Оценочность – один из важнейших параметров членения лексикона. Объективные оценки типа *большой – маленький, умный – глупый* эмоционально нейтральны; субъективные оценки, типа *светлая голова – недоумок, идиот*, как правило, эмоционально-стилистически маркированы, сначала поляризуются на мелиоративные и пейоративные, далее детализируются, с одной стороны, в оценки типа «высокое», «ласкательное», с другой стороны – «неодобрительное», «презрительное», «бранное» и т.п. Пейоративные пометы в словарях преобладают, что отражает общую тенденцию лексикона к «негативному крену» в оценочном отображении бытия: «позитив» воспринимается как норма и в специальной маркировке не нуждается, «негатив» – как отклонение от условной нормы, что и отражается в коннотативном ореоле слова, а затем и в словарных пометах. Так, мелиоративное в сталинскую эпоху именование *сталинизм* в последующий период приобретает не-

гативные коннотации, которые в синонимичном пейоративе *сталинщина* составляют основную часть его семантики; аналогичные отантропонимические образования *хрущевизм* и *хрущёвцев*, *хрущёвщина*, *неохрущевизм* («Идеология, согласно которой построение капиталистического [при Хрущеве – коммунистического. – В.В.] общества в СССР, в России возможно в течение жизни одного поколения» [15, с. 205]), *брежневизм* и *брежневист*, *брежневцев*, *брежневщина* уже сразу фиксируют негативное отношение к политическим деятелям Н.С. Хрущеву и Л.И. Брежневу и к тем явлениям политической жизни, которые ассоциируются с их пребыванием на вершине власти.

На рубеже XX–XXI веков «фазовые переходы» в восприятии и оценке многих политических феноменов происходят стремительно, вследствие чего в один и тот же период времени мелиоративные и пейоративные коннотации могут ассоциироваться с одной и той же лексемой, а пейоративные образования носят оценочно более «жёсткий», в лингвистическом отношении – зачастую открыто диффамационный и даже бранный характер.

Показательный в этом отношении лингвокультурологический материал – именованья различных «политических направленностей», то есть обобщенные именованья различных политических учений, политических идеологий, форм государства и т.п. Полный конкретный перечень таких именованья (то есть конкретный перечень возможных «политических направленностей») практически необозрим, поскольку в пределе охватывает все возможные идеологии, формы государства, политические и религиозные учения и т.п. Обозримый перечень основных «политических направленностей» по необходимости включает лишь

то, что существенно «здесь-и-сейчас» (для данной страны в данный момент ее истории), в частности, для нашей страны в настоящий период: *авторитаризм, анархизм, демократия, диктатура, коммунизм, консерватизм, конституционализм, либерализм, национализм, расизм, тоталитаризм*. Практически каждое из этих именовании на рубеже XX–XXI веков подвергается в различных слоях носителей языка мелиоративному и/или пейоративному переосмыслению – вплоть до *трансмутации* как полного переорождения (вопрос о трансмутации как эстетическом, научном и религиозном феномене рассматривается нами в: [2, с. 192-202]). Характерный сигнал «фазовых переходов» в той части русского лингвокультурного пространства, которое отражает представления носителей языка о существовании политических изменений, – пейоративизация изначально нейтральных или даже мелиоративных именовании, превращение их из «позитивных» – в «негативные», в пейоративы как языковые единицы, несущие «семантику пренебрежения, неодобрения, презрения, уничижения, критики и порицания» [7, с. 6].

Буквально на наших глазах *коммунизм* стали именовать *тоталитаризмом*, «развитой социализм» – «эпохой застоя», *ислам* ассоциировать с *терроризмом*, вместо *демократия / демократы* распространились иронично-насмешливые, даже бранные *дерьмократия / дерьмократы, либерализм* политические противники характеризуют уничижительным *либерастия* (от *либерализм + педерастия*) и т.д. Можно, разумеется, предположить, что это лишь различие «точек зрения». Но только ли в этом дело? Не отражают ли пейоративные именовании некие глубинные процессы, связанные со сменой культурных парадигм, с «фазовыми

переходами», а возможно, даже «взрывами» [9] в пространстве политической культуры?

Сосредоточим внимание только на двух политических феноменах – *демократия* и *либерализм*. Изначально сопряженные с сугубо мелиоративными оценками, на рубеже XX–XXI веков они насыщаются пейоративными коннотациями.

Демократия / демократы, по свидетельству авторов коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия», иногда парадоксальным образом в публицистике перифрастически именуются такими лексемами, которые ассоциируются с коммунистической идеологией и практикой («*перестройка*» *красного фашизма*, *коммунофашизм*, *цудокоммунисты*, *дембольшевизм* [12, с. 421]), но типичнее окказиональные словообразовательные производные, включающие прямой номинативный элемент *дем-* (*демокрады*, *демпауасы*, *дембанда*, *демпроститутки*), в том числе в наложении с лексемой *коммунисты* (*демунисты*). Диффамационная направленность наиболее очевидна в каламбурном *дерьмокрады*, в сложениях типа *демгнида*, *демговно*, *демзасранец*, *демсвинья*, *демсволочь*. Оскорбительный характер таких публично используемых словоупотреблений, безусловно, нацеленных на унижение чести и достоинства, умаление деловой репутации адресата / предмета речи (см., например: [4; 11, с. 28, 73]), может (и, вероятно, должен) становиться предметом судебного разбирательства, поскольку словоупотребления такого типа противоречат обеим составляющим русского правосознания – как собственно правовым, так и этическим [5].

Причины пейоративной синонимизации *демократии* с *дерьмокрацией* и другими диффамационными образованиями пред-

ставляются достаточно очевидными. Это трансформация *демократии* как «народовластия» в «управляемую демократию» (в современном словоупотреблении явление «управляемой демократии» соотносится с лексемами *антидемократия, квазидемократия, лжедемократия, полудемократия, псевдодемократия*), что обуславливает кризис современной демократии, который, по энциклопедически удостоверенной характеристике политологов, выражается «в утрате интереса больших масс к демократическим процедурам», в том, что «термин «демократия» стал всё больше и больше использоваться как бессодержательный ярлык, выдаваемый одним государствам другим», что «за последние 100 лет демократия из светлого идеала превратилась в фарс», что она обретает статус «демократической религии» со столицей в Вашингтоне, подобно тому как столица католичества – в Риме, а ислама – в Мекке, и т.д. [1, с. 77]. Активная защита такой «демократии» ее сторонниками в лексемах *демшиза, демофрения (дем-, демо- + шизофрения)* применительно к личности «демократа» квалифицируется как психиатрическая проблема, применительно к явлению в целом – как признак утраты / утрачивания лексемой *демократия* изначального конструктивного смысла, обретения ею устойчивых негативных ассоциативных связей (ср., например: «Под символом «демократия» подразумевают: права и свободы личности, плюрализм мнений, свободу критиковать Президента. Реальное значение символа «демократия» – власть денег, нищета населения, рабский труд, авторитарный режим...» [8, с. 304]).

На чем основывается пейоративная синонимизация *либерализма* с *либерастией* – лексемой, которую следует квалифицировать как бранную (поскольку *гомосексуализм* воспринимается

русским языковым сознанием как сугубо негативное явление [3], а синонимичное *педерастия* – как половое извращение)?

Общий ответ: на том, что лозунг приоритета свободы личности над обязанностями человека по отношению к обществу и государству, отражающий суть либерализма как политического явления, многими носителями языка, особенно патриотически и «государственно» настроенными («государственниками»), воспринимается как «извращение» социальной природы человека. Ср. типичное энциклопедическое толкование: «**Либерализм**... социально-политическое учение и общественное движение, провозглашающее самодостаточную ценность свободы индивида в экономической, политической и др. сферах жизни общества» [1, с. 164]; сжатая формулировка учебника: «разновидность политической идеологии, отстаивающей приоритет прав и интересов личности по сравнению с интересами государства и общества» [10, с. 484].

В семантической основе понятия «либерализм», как явствует из приведенных толкований, лежит оппозиция «личность – государство». **Правовой статус личности**, по юридическому определению, – это «комплекс социально-экономических, политических, культурных и др. гражданских прав и свобод, а также обязанностей граждан» [16, с. 735].

Понятие «личность» в сфере политики представлено в двух разновидностях:

- 1) «человек» как лицо, рассматриваемое безотносительно к наличию/отсутствию устойчивой правовой связи с государством (опорное терминологизированное словосочетание – *права человека*);

- 2) «гражданин» как человек, находящийся в устойчивой правовой связи с государством (опорное терминологизированное словосочетание – *права и обязанности гражданина*).

Существительные *человек* и *гражданин* не являются абсолютными синонимами. *Человек* – родовое понятие, *гражданин* (по отношению к *человеку*) – видовое. Видовое понятие всегда шире по содержанию, чем родовое, но уже него по объему (объем и содержание понятия находятся в обратно пропорциональной зависимости: чем шире содержание понятия, тем уже его объем, и наоборот). Объем понятия «человек» неопределенно велик (поскольку его содержание чрезвычайно общее), а следовательно, неопределенно широкими являются и его «права» по отношению к обществу и государству («права человека»). Объем понятия «гражданин» уже, чем объем понятия «человек», поскольку его содержание шире: *гражданин* всегда связан с *государством* набором не только *прав*, но и *обязанностей*.

Отсюда: либеральная установка на расширение *прав* (человека) ведет к сокращению *обязанностей* (гражданина), требование расширения *прав* – это одновременно и требование сократить *обязанности*. В этом суть *либерализации* – «ослабления влияния государства к разным сферах общественной жизни: политики, экономики, культуры, системы образования и т.д.» [18, с. 537].

Границы возможной либерализации определяются пределом сокращения тех *обязанностей* гражданина, которые определяются *законом* и культурной *традицией*. Поскольку переход

за предел возможностей сокращения *обязанностей* во имя расширения *прав* ведет к разрушению государства и общества, то, следовательно, требование такого перехода является требованием *экстремистским* [4; 6] – строго в соответствии с внутренним смыслом прилагательного *экстремальный*: из лат. прилагательного превосходной степени *extremus* ‘крайний, конечный > чрезвычайный > критический, тяжелый > высший, величайший’ – от *exter* ‘находящийся вне, наружный, внешний’.

Либерализм в своем развитии всегда чреват опасностью перехода через границу допустимого – в *ультралиберализм*. Характерные примеры: свобода гомосексуальных отношений, в условиях ее неконтролируемого расширения, ведет к вырождению народа, поскольку гомосексуальные пары не могут оставлять потомства; свобода от воинской обязанности (например, замена ее альтернативной службой) в условиях невозможности для государства содержать полностью профессиональную армию может привести к тому, что страна перед лицом внешнего врага окажется беззащитной.

Своеобразное предостережение об опасности развития процессов *либерализации* до опасного предела содержится уже в латинском этимоне прилагательного *liber*, в его семантическом развитии от исходного значения к производным, ср.: *liber* ‘свободный, вольный, независимый > благородный, прямой, откровенный > своевольный, разнузданный, распущенный, распутный’. Иначе говоря, *либерализация* в процессе своего развития чревата опасностью «фазового перехода» от *свободы как независимости* – к *свободе как разнузданности*. Лингвокультурный

сигнал, явленный в словоупотреблении *либерастия*, предупреждает об этой опасности, равно как и образованное по аналогии с ним бранное существительное *толерастия* (← *толерантный / толерантность*), поскольку *толерантность*, наряду с основным значением «терпимость к чужим мнениям, поведению и т.п.», выступает как носитель и вторичных смыслов, связанных с «терпимостью» к таким социально осуждаемым в России явлениям, как однополые браки. Пейоративный сигнал о неприемлемости для менталитета россиян феноменов, связанных с *ультралиберализмом*, несут также собирательные сущ. *либерастия* и *толерастия*, выступающие как носители ярко-уничижительной коннотации по отношению к тем, кто следует ультралиберальной идеологии и практике.

В современном публичном дискурсе, сознавая пейоративный характер существительного *либерастия* (и, соответственно, сущ. *либераст*), специально подчеркивают, что речь идет не о *либералах* в традиционном значении этого слова, но о «либероидах», об «ультралибералах», фактически предающих интересы своего народа и своей страны, ср. характерное замечание одного из интернет-модераторов: «Ну и в заключение – небольшая цитата из традиционных обращений к читателям нашего сайта: «напомним, что термин «либераст» участники дискуссии на нашем Форуме договорились использовать для того, чтобы отличать настоящих либералов, то есть сторонников свободы личности от всех насильственных внешних воздействий, от тех, кто стоит за «свободу личности» исключительно от российского государства, но, скажем, не от Международного валютного фонда или международных финансовых авантюристов»» [19]. Точно сказал

И.В. Смирнов в книге «Либерастия», размещенной в сети Интернет еще в начале 2000-х, но в печатном виде, насколько нам известно, не вышедшей: «...либеральная «общественность» ведет с государством – со своим собственным, демократически избранным! – войну на уничтожение, как будто это вражеская оккупационная администрация; причем в тех областях, где государственное регулирование необходимо и незаменимо» [14]. Он же, видимо, впервые использовал и сущ. *либерастия* в смысле, который сводится к формулировке «сторонники ультралиберализма как антигосударственной идеологии».

История развивается по спирали, на каждом очередном витке возвращаясь к «пройденному», но в новой окраске. Император Николай II, в советский период отечественной истории прозывавшийся «кровавым», ныне канонизирован в сонме новомучеников и исповедников российских как страстотерпец (современная антропонимическая формула – *Святой Император Всероссийский Николай II Александрович Страстотерпец*), лексема *авторитаризм* обретает мелиоративные окраски, особенно в рядах сторонников монархии; существительное *Православие* все чаще пишут с заглавной буквы, подчеркивая тем самым, что речь идет не об «опиуме народа», но о важнейшей духовной опоре нашего общества и государства. Возможно, что и лексемы *демократия* и *либерализм* в будущем, на очередном витке исторической спирали, вновь обретут в массовом сознании исходные мелиоративные смыслы. Но это определяется не языком, который лишь фиксирует ментальные изменения, но теми скрытыми от непосредственного наблюдения процессами, которые совершаются в глубинах народного духа.

Список литературы

1. Большая актуальная политическая энциклопедия: Настольная книга современного политика: 1000 актуальных понятий современной политической жизни / Ред.-сост. А.В. Беляков, О.А. Матвейчев. – М.: Эксмо, 2009. 424 с.
2. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: Учебное пособие / Тверской государственный университет. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. 220 с.
3. Волков В.В. Гомосексуализм в современной России: лингвокультурологический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. Вып. 6. № 32. – Тверь, 2013. С. 168-173.
4. Волков В.В. Ксенофобия как интенциональная основа вражды в судебной лингвистической экспертизе (лингвогерменевтика феномена) // Законность и правопорядок в современном обществе: Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. С. 115-124.
5. Волков В.В., Воднева А.А. Правовое и этическое сознание как бинарный объект лингвокультурологии // Электронный научный журнал «APRIORI. Серия: Гуманитарные науки» [Электронный ресурс]. 2013. № 2. – Режим доступа: <<http://www.apriori-journal.ru/seria1/2-2013/Volkov-Vodneva.pdf>>.
6. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. – М.: Юридический Мир, 2006. 96 с.
7. Лескина С.Д. Категория пейоративности в русском и англий-

- ском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления: Автореф. дис. ... докт. филол. н. – Челябинск, 2010. 42 с.
8. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Война после войны: Информационная оккупация продолжается. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2005. 416 с.
 9. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992. 272 с.
 10. Мухаев Р.Т. Политология: Учебник для студентов вузов. – М.: Юнити-Дана, 2008. 495 с.
 11. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004. 328 с.
 12. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
 13. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
 14. Смирнов И.В. Либерастия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://supol.narod.ru/archive/books/liberast.htm>>.
 15. Тираспольский Г.И. Словарь политической борьбы: материалы 1988-1996 гг. – Сыктывкар: Ин-т управления и международных связей, 2006. 400 с.
 16. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2008. 1088 с.
 17. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складаревской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

18. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2008. 1136 с.
19. Хазин М. Либералы всех стран, соединяйтесь! [Электронный ресурс] // Worldcrisis.ru. – Режим доступа: <<http://worldcrisis.ru/crisis/1061477>>.